

УДК 32

DOI: 10.34670/AR.2020.46.6.096

Дивергенция политического образа России в британской прессе на рубеже XX–XXI вв.

Бурукина Ольга Алексеевна

Кандидат филологических наук, доцент,
Российский государственный гуманитарный университет,
125993, Российская Федерация, Москва, Миусская площадь, 6;
аспирант,
Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева,
302026, Российская Федерация, Орёл, ул. Комсомольская, 95;
e-mail: burukina@mail.ru

Аннотация

На протяжении 270 лет – с 1707 по 1776 гг. – британская политическая машина, а затем и британская политическая журналистика культивировала образ внешнего врага, примеряя его попеременно на разные европейские и неевропейские державы, со 170 из которых все время существования Королевства Великобритания (с 1707 по 2019 гг.) эта небольшая страна с самыми большими имперскими амбициями провела 120 крупных вооруженных конфликтов и войн.

В разное время основным врагом Великобритании становились Франция, Испания, Нидерланды (включая Голландскую Республику), Германия, Швеция и многие другие страны. Но, очевидно, что лучше всего образ врага подошел России (в первую очередь Российской империи, а затем Советскому Союзу), поскольку именно этот образ до сих пор продолжает формироваться и закрепляться за Россией в британском политическом дискурсе, составляя значимую часть британского коллективного сознания.

В статье предпринимается попытка выявить альтернативные тенденции в британском политическом дискурсе со 2-й половины 1870-х до конца 1900-х гг., отражающие иное – положительное – восприятие Российской империи и русских британскими политическими деятелями и журналистами. Автору удалось выявить позитивные тенденции и типологизировать тексты, опубликованные в британской прессе и англоязычных издательствах на рубеже веков и так или иначе затрагивающие Россию и ее внешнюю и внутреннюю политику.

Для цитирования в научных исследованиях

Бурукина О.А. Дивергенция политического образа России в британской прессе на рубеже XX–XXI вв. // Теории и проблемы политических исследований. 2019. Том 8. № 6А. С. 5-14. DOI: 10.34670/AR.2020.46.6.096

Ключевые слова

Политический образ государства, британская пресса, политический дискурс, дивергенция политического образа.

Введение

Политика неразрывно связана с образами людей и событий, но, в первую очередь, с образами государств, которые формируются и претерпевают изменения под воздействием средств массовой информации. Эта идея была выдвинута К. Боулдингом (1956), предложившим рассматривать политику как процесс формирования образа под воздействием изображений, передаваемых средствами связи [Boulding, 1956]. В настоящее время, как указывает М. Техранян (1999), можно с полным правом говорить об особой политике образов, дополняющей политику силы [Tehraniyan, 1999].

Образы государств находятся в центре внимания политологии и истории, политической и когнитивной лингвистики, а также сравнительно новой научной дисциплины – имагологии, – изучающей законы формирования и представления в различных дискурсах образов государств, но, в первую очередь, в политическом дискурсе средств массовой информации, обладающем эффективным суггестивным инструментарием.

В основу данной статьи легли теоретические принципы, разработанные Т. Ван Дейком (1985), в соответствии с которыми дискурс средств массовой информации анализируется как результат творческой и социально-политической деятельности журналистов, направленной на создание текстов, подразумевающих определенную направленность последующей интерпретации читателями [Van Dijk, 1985].

Историческая правда и политический дискурс

Великобритания на протяжении двух с половиной столетий старалась реализовывать свои имперские амбиции, расширяя территорию путем захвата земель, принадлежавших нациям, не сумевшим объединиться и эффективно защищать себя, а также ревностно охраняя захваченные территории. Со времени принятия Акта о союзе в 1707 г. Королевство Великобритании участвовало в более чем 120 войнах со 170 странами. С учетом более чем 300-летней истории военных конфликтов, имеет смысл проанализировать, какие страны исторически и традиционно являются союзниками и «друзьями», а какие – по традиции считаются врагами Великобритании.

Проведенный анализ показал, что самыми непримиримыми врагами Великобритании выступали Франция и Испания. Так, Франция выступала в качестве противоборствующей Великобритании стороны в 20 вооруженных конфликтах, и 18 раз выступала в качестве союзника Объединенного Королевства. Испания открыто выступала врагом интересов Великобритании 9 раз и 6 раз поддерживала ее в качестве союзника. Россия (включая Советский Союз) 6 раз принимала участие в вооруженных столкновениях с Великобританией (включая Крымскую войну 1853–56 гг.) и 9 выступала союзником Объединенного королевства, в том числе в двух мировых войнах. Однако, хотя Россия сталкивалась с Великобританией в вооруженных конфликтах реже, чем Франция и Испания (причем с последней очевидна обратная пропорция: 9^1-6^2 и $6-9$) и чаще поддерживала Великобританию в борьбе с внешним врагом, именно Россия традиционно предьявляется в качестве основного заклятого врага Великобритании.

---

¹ На первом месте – цифра, обозначающая количество вооруженных конфликтов между Великобританией и Испанией и Великобританией и Россией соответственно.

² На втором месте – цифра, обозначающая количество военных союзов между теми же странами.

Политический дискурс средств массовой информации, выполняющий функции вербального конструирования и создания определенной политической реальности, включая образы всех и каждого государств, является наиболее важным типом дискурса для современных средств массовой информации [Posternyak & Voeva-Omelechko, 2018: 2].

Основой имагологии является бинарная оппозиция «наше государство – иные государства». Этот факт подчеркивается К. Боулдингом, утверждающим, что «...нации делятся на «хорошие» и «плохие»: при этом враг – воплощение зла, а собственная нация – безупречная добродетель»³ [Boulding, 1959: 120–121]. Это означает, что журналисты создают образы других государств, имея определенные идеологические цели, которые могут быть раскрыты путем анализа механизмов их творчества и его результатов.

Трудно переоценить роль политического дискурса СМИ в создании и изменении индивидуального и коллективного мировоззрения. Мы согласны с мнением Т. Ван Дейка, что политический дискурс в целом трактуется как многоуровневая форма взаимодействия, а именно, как совокупность коммуникативных событий, <...> встроенных в более сложные социальные, политические или культурные структуры [Van Dijk, 1990: 42], и «никогда не бывает контекстно независимым и, следовательно, никогда не бывает невинным» [Van Dijk, 1990: 43]. А политический дискурс в средствах массовой информации является еще более зависимым от контекста и даже менее невинным, чем другие типы дискурсов, потому что «...не может быть никаких сомнений в том, что из всех форм печатных текстов, средства массовой информации являются наиболее убедительными, если не наиболее влиятельными», если судить по критерию количества их потребителей [Van Dijk, 1989: 24].

При этом, как писал в 1876 г. в своей речи и политическом памфлете, сыгравшем судьбоносную роль для Европы и Турции, “Bulgarian Horrors and the Question of the East” У.Ю. Гладстон, британский государственный деятель, писатель, и четырежды премьер-министр Великобритании 1868–1874, 1880–1885, февраль–август 1886, 1892–1894), все государства «более или менее открыты для инсинуаций, <основанных на> предвзятости»:

«Уже слишком поздно, как я уже говорил, надеяться убедить Европу любым нашим докладом. Мы и сами можем скептически относиться к российским сообщениям. Каждое европейское государство более или менее открыто для инсинуаций, <основанных на> предвзятости» [Gladston, 1876].

Задавшись целью объяснить причины конфронтации между государствами и в результате проведенного анализа придя к выводу, что «...граждане имеют определенные образы (или концепции) своей нации по отношению к другим нациям, и эти образы отражают конкретные ценности и эмоции» [Boulding, 1956: 15], К. Боулдинг (1956) ввел в научный и политический дискурс понятие «образ государства».

В этой статье мы принимаем за основу данное К. Боулдингом определение образа государства как «...общей “когнитивной”, “аффективной” и “оценочной” структуры единицы его поведения (*поступка* – Прим. О.Б.) или его внутреннего взгляда на себя и окружающий мир» [Boulding, 1959: 120–121].

Данное определение особенно важно в свете того, что британские журналисты (впрочем, как и журналисты любого другого государства) не только называют факты, связанные с Россией, но и интерпретируют и оценивают их с собственной точки зрения, формируя

---

³ Здесь и далее перевод наш – О.Б.

различные стереотипы как общие представления о России в коллективном сознании британцев [Posternyak & Voeva-Omelechko, 2018].

Британские СМИ практически непрерывно писали о России на протяжении XIX и XX вв., при этом до 1870-х гг. основной целью британских журналистов было не столько сообщение объективной информации о внешнеполитической деятельности России и её внутривнутриполитическом развитии, сколько формирование и укрепление образа непримиримого и неукротимого врага Британской империи и Европы в целом.

Цель, задачи и методы исследования

Данная статья посвящена формированию имиджа России в дискурсе британских политических СМИ на рубеже XIX–XX вв. Целью исследования стало выявление тенденций в формировании образа России в британском политическом дискурсе. Поставленная цель обусловила постановку нескольких исследовательских задач, в том числе

(1) отобрать корпус статей, книг, памфлетов и других документов из библиотеки JSTOR, а именно из Коллекции Министерства иностранных дел и по делам Содружества (Foreign and Commonwealth Office Collection), Бристольской коллекции избранных памфлетов (Bristol Selected Pamphlets) и других коллекций;

(2) выявить документы, содержащие более-менее пространное описание России, ее состояния и внешнеполитических (а также значимых внутривнутриполитических) действий и поступков;

(3) проанализировать «традиционный» образ России, сформированный британскими политиками и британской прессой в предыдущий период – с 1801 по 1869 гг.;

(4) провести анализ изменений в представлении России в британском политическом дискурсе в конце XIX – начале XX вв. (1887–1907 гг.) и в предшествующий ему период (1870-е гг.).

Для решения указанных задач были использованы методы контент-анализа, семантического и ассоциативно-коннотативного анализа текстов монографий, газетных статей и памфлетов⁴, написанных британскими журналистами и политическими деятелями.

Применение указанных методов способствовало пониманию того, как британскими журналистами и политиками формировался образ России во всех социально-политических и социально-экономических контекстах и как эти образы способны были влиять на коллективное сознание британцев.

Для анализа был создан небольшой корпус текстов объемом около 240 газетных и журнальных статей, книг, памфлетов и речей британских журналистов и государственных деятелей, включающих в себя лексемы «Россия», «Российская империя» и «русский» / «русские».

Результаты исследования

В результате проведенного исследования были выявлены три типа текстов, посвященных (полностью или частично) описанию России и русских и/или характеристике ее современного

---

⁴ Pamphlet (англ.) – небольшой буклет или листовка, содержащие сведения или аргументы по одной конкретной теме.

авторам положения или действий на внешнеполитической арене:

- 1) к первому типу текстов относятся «традиционные» политические публикации британских авторов, описывающих Россию и ее деятельность в «черном свете» как отсталую, варварскую, азиатскую или неевропейскую страну, тиранию и врага демократических движений и преобразований в Европе, с самодержавными царями-императорами и безграмотным отсталым населением (наиболее многочисленный тип – 218);
- 2) ко второму типу текстов (гораздо менее многочисленных – 19) относятся публикации, в которых, с одной стороны, превозносятся некоторые деяния или черты России и русских и достижения русской культуры, тогда как с другой – выражаются опасения относительно возможной вредоносной деятельности России в будущем либо используется лексика, преуменьшающая, а порой сводящая на нет прекраснодушие авторов по отношению к России;
- 3) к третьему типу текстов относятся наименее частотные книги и статьи (3), в которых британские авторы выражают свою уверенность в величии и однозначно добрых намерениях России на благо человечества.

Доминировавшее в XIX – начале XX вв. мнение о России и отношении к российской внешней и внутренней политике точнее всего охарактеризовал выдающийся британский журналист У.Т. Стэд:

«...Это, однако, лишь крайнее проявление *убежденности в том, что Россия угрожает всеобщему миру*, превалирующее в Министерстве иностранных дел Англии и английском обществе» (курсив наш – О.Б.) [Stead, 1888].

Мнение У.Т. Стэда было подтверждено подавляющим большинством проанализированных текстов британских политических авторов, написанных и опубликованных с 1875 по 1907 гг.

Однако справедливости ради стоит сказать, что нам удалось найти более 20 текстов (22), написанных в жанре политического дискурса в указанный период, отражающих альтернативную тенденцию – тенденцию восприятия России как политически значимой державы, деятельность которой на внешнеполитической арене вызывает у британских политиков и политических журналистов искреннее уважение, а также тенденцию восприятия русских людей и русской культуры (в частности Православия) как поразительных и достойных изучения (и даже восхищения) явлений.

Характерным в этом отношении является памфлет Лорда Гладстона “Bulgarian Horrors and the Question of the East”, в котором он 20 раз упоминает Россию и ее деяния и подчеркивает необходимость изменения отношения к ней:

«Печально, но также и верно то, что мы, на этой восточной почве воевавшие с Россией и считавшие Австрию слабой, а Германию почти что рабской, в течение многих прошедших месяцев были в долгу и даже сейчас в долгу перед всеми или некоторыми из этих самых Держав, и, возможно, перед Россией более всех, за то, что она играла ту роль, которую мы нарочито считаем своей, – сопротивление тирании, оказание поддержки угнетенным, и труд ради счастья [всего] человечества. Я говорю, что настало время нам подражать России, принимая участие в ее добрых делах, и попридержать наше противодействие до тех пор, пока она не попытается явно обратиться во зло» [Gladstone, 1876].

Обратим внимание, что, хотя Сэр Уильям Юарт Гладстон, возможно, и не имел в виду, что Россия непременно обратит свою освободительную и благотворительную миссию на Балканах во зло, британский политик упомянул об этом как о возможном варианте развития событий, хотя, пожалуй, для него это была единственная возможность быть услышанным и не

отвергнутым немедленно по причине «пристрастного отношения» и «необоснованной поддержки» России.

Немаловажно, что позицию У.Ю. Гладстона по сути поддержал виконт Джеймс Брайс⁵, нравственные принципы которого нередко побуждали его действовать вразрез с официальной линией Лондона.

В своем памфлете “Russia and Turkey” (1876), Лорд Брайс выразил свое изменившееся отношение к России следующим образом:

«...Позвольте мне вначале сказать, что я ни в коем случае не являюсь адвокатом или даже апологетом России. Как и большинство английских либералов, я привык считать её воплощением политического зла со времен рокового дня Вилагоша⁶, когда она раздавила независимость Венгрии как движущей силы политического прогресса. Даже сейчас ее дальнейшее продвижение по провинциям Турецкой империи, как мне кажется, станет большой бедой и для этих провинций, и для нее самой, и для всего мира. Но Россия 1976 года – это не Россия 1849 года. Подобно тому, как мы стали иначе относиться к Австрии с момента принятия ею конституционной системы правления после 1866 года и к герцогу Бисмарку⁷, сумевшему освободиться от феодальной партии в Пруссии, поэтому мы должны учиться, дабы признать изменения, которые произошли в России после вступления на престол Александра II, и изменения происходят быстрее, чем в любой другой европейской стране за столь же короткое время. И в любом случае, безусловно, следует отказаться от привычки, не более несправедливой, чем неразумной и вводящей в заблуждение, неизменно возводить наихудшую конструкцию из возможных вокруг каждого слова или действия России» [Бруссе, 1876].

Британский офицер и исследователь Палестины Клод Р. Кондер⁸ стал свидетелем нескольких русских православных праздников, которые он описал в своей книге “Tent Work in Palestine”, опубликованной в 1878 г.:

«[На Пасху] город кишит русскими мужчинами и женщинами. Сила и выносливость этих

---

⁵ Джеймс Брайс, 1-й виконт Брайс (1838–1922) – британский государственный деятель, правовед, историк и филантроп, один из инициаторов создания Лиги Наций.

⁶ Капитуляция в Вилагоше (*Világos*) – капитуляция венгерской повстанческой армии Артура Гёргея русским экспедиционным войскам генерала Ф.В. фон Ридигера, состоявшаяся 13 августа 1849 г. в замке Богус вблизи селения Вилагош (ныне село Ширия, Румыния) и ставшая концом венгерского национального восстания 1848–1849 гг. [Evans & von Strandmann, 2000].

После присоединения России к подавлению венгерского восстания на стороне Австрии, поражение венгерских повстанцев ввиду значительного превосходства сил союзников стало вопросом времени. Решающим эпизодом стало Сражение при Темешваре, которое завершилась решительной австро-русской победой. После этого выбор венгров сводился к капитуляции или к уничтожению. Командующий северной венгерской армией Артур Гёргей принял решение капитулировать со всей своей армией численностью 30 000 человек перед русскими войсками под командованием генерала Ф.В. фон Ридигера [[Laszlo, 1998].

Важно отметить, что после капитуляции венгров, несмотря на просьбы российского императора Николая I об их помиловании, австрийцы начали против Венгрии жестокие репрессии [там же]. Сотни венгерских солдат и гражданских лиц были приговорены к смертной казни или заключены в тюрьмы, многих из них против воли рекрутировали в австрийскую армию. Заметим, что при этом воплощением политического зла в Великобритании по традиции сочли Россию. – *Прим. О.Б.*

⁷ Отто фон Бисмарк-Шёнхаузен, первый канцлер Германской империи.

⁸ Клод Ренье Кондер (1848–1910) – британский военный инженер, полковник Корпуса королевских инженеров, исследователь и картограф Палестины (палестинолог), проводивший исследования в рамках деятельности Общества исследования Палестины “Palestine Exploration Fund”, антиквар, писатель и публицист.

крестьян удивительны: пожилые женщины шестидесяти-семидесяти лет проходят пешком по дороге от Яффы до Иерусалима расстояние в тридцать пять миль⁹; затем выстаивают утомительные многолюдные пасхальные службы, а потом снова спускаются к побережью...» [Conder, 1878: 297–298].

«Сцена в русском соборе во время Пасхи поразительна и поучительна... Церемония была впечатляющей... Я посещал многие религиозные службы: христианские, иудейские и мусульманские, – но ни одна из них не была более поразительной по своему варварскому великолепию¹⁰ и пышности¹¹. Песнопения латинских¹² монахов, пронзительные носовые крики армян, жестикуляция иудеев, – все они гораздо менее величавы, чем торжественные песнопения в русском соборе. Фанатичность паломников, вышедших из низшего и самого невежественного класса крестьян, превосходит всё, имеющееся в христианском мире, и соответствует фанатичности мусульман» [Conder, 1878: 299–300].

Основываясь на результатах проведенного контент-анализа и семантического анализа, отметим, во-первых, семантико-коннотативную неоднозначность приведенного отрывка в оригинале (на английском языке) и соответствующее воздействие на читателя.

С одной стороны, К.Р. Кондер, вроде бы положительно отзывается о силе, выносливости и приверженности русских паломников, с другой – использует для описания их многочисленности глагол “swarm” / «кишеть», “fanaticism” / «фанатизм», «фанатичность», а также выражает уверенность (по-видимому, ни на чем не основанную, кроме внутренней уверенности автора в своей правоте) в том, что русские паломники являются выходцами из низшего и самого невежественного класса крестьян», что противоречит действительности, поскольку православная литургия в обязательном порядке включает в себя коллективное прочтение молитв «Верую» и «Отче наш», что уже противоречит характеристике русских паломников Клода Р. Кондера как представителей «самого невежественного класса». Немаловажным нам представляется и экономический аспект: маловероятно, что представители «низшего и самого невежественного класса» были способны в XIX в. добраться до Палестины, поскольку для этого требовались немалые денежные средства и способность договариваться о проезде и остановках по пути, в том числе, весьма вероятно, на иностранных языках.

Аналогичным образом, английский офицер и палестинолог высоко отзывается о поразительности и поучительности русской пасхальной церковной службы, но с другой – великолепие и пышность православной литургии характеризуются как «варварские», а приверженность и целеустремленность русских паломников называются фанатичностью и сравниваются с фанатичностью мусульман. То есть, так же, как и по прочтении некоторых ранних статей У.Т. Стэда¹³ у читателей создается впечатление, что Россия – не христианская, а

---

⁹ 35 миль (сухопутных) = 56 км 315 м

¹⁰ grandeur (англ.) – грандиозность; великолепие; богатство, пышность, роскошь; шедевр; образчик роскоши, великолепия; знатность (происхождения); (нравственное) величие, возвышенность, духовная сила.

¹¹ pomp (англ.) – богатство, великолепие, пышность, роскошь.

¹² Видимо, имеются в виду молитвы и псалмы римско-католической церкви, традиционно произносимые на латыни.

¹³ См. Бурукина О.А. Пророссийская эволюция взглядов Уильяма Томаса Стэда: роль личности в истории британско-российских отношений // Проблемы высшего образования и современные тенденции социогуманитарного знания (VIII Арсентьевские чтения): материалы Всерос. научной конференции с междунар. участием (Чебоксары, 17–18 декабря 2019 г.). – Чебоксары: ИД «Среда», 2019. – С.164–174.

варварская страна (страна язычников).

Альтернативным примером полностью позитивной (хотя и максимально объективизированной) характеристики России могут служить книги и статьи выдающегося британского журналиста У.Т. Стэда, в 1870-х гг. поставившего перед собой цель понять действия России на внешнеполитической арене и уже в 1880-х гг. ставшего апологетом России и не изменившего своей приверженности до самой своей гибели в 1912 г. в результате катастрофы «Титаника». В 1888 г. У.Т. Стэд издал книгу “Truth about Russia” / «Правда о России», в которой он охарактеризовал Россию следующим образом:

«... Россия держит в своих руках баланс сил в Европе. Остальные государства либо парализованы внутренним инакомыслием, либо кровной мстью иностранным державам, либо запутанными альянсами. Россия – единственная из великих военных Держав независима и самодостаточна, свободна от неловких союзов и парализующих антагонизмов» [Stead, 1888].

Выводы

Таким образом, на основе проведенного анализа можно сделать следующие выводы:

1. Британские политики и журналисты внесли максимальный вклад в создание негативного образа России как отсталого, непредсказуемого, враждебного, опасного и агрессивного государства, чуждого цивилизованным подходам и принципам демократии.

2. При этом создатели негативного образа России использовали соответствующие лингвистические (синтаксис, грамматику, лексику) средства, формируя в коллективном сознании британцев негативные ассоциации с лексемами “Russia” / «Россия», “The Russian Empire” / «Российская империя», “Russians” / «русские», “Russian” / «русское».

3. Однако можно с уверенностью утверждать, что в результате внешнеполитической деятельности России на Балканах в 1875–76 гг. и особенно в 1877–78 гг. (в том числе ценой значительных человеческих жертв Русской армии) в британском политическом дискурсе и общественном мнении начала формироваться и к концу 1880-х гг. вполне сформировалась тенденция альтернативного – положительного – восприятия России и русских, которая усилилась в 1880–1900-х гг. под влиянием переводов произведений великих русских писателей на английский язык.

4. Таким образом, можно говорить о дивергенции¹⁴ политического образа России в британском политическом дискурсе и в индивидуальном сознании отдельных британских политических деятелей и политических журналистов.

5. Тем не менее, новым тенденциям и усилиям отдельных политиков и политических журналистов, пусть даже выдающихся, видимо, не удалось преодолеть традиционное представление России в образе врага, формировавшееся и укреплявшееся в течение 250 лет: новые британские политики постарались как можно скорее забыть их альтернативное мнение, не вписывавшееся в прокрустово ложе пейоративных политических стереотипов, воспользовавшись трагедией России в 1917–23 гг.

Библиография

1. Бурукина О.А. Пророссийская эволюция взглядов Уильяма Томаса Стэда: роль личности в истории британско-

---

¹⁴ От англ. *divergence* – расхождение, расслоение, отклонение.

- российских отношений // Проблемы высшего образования и современные тенденции социогуманитарного знания (VIII Арсентьевские чтения): материалы Всерос. научной конференции с междунар. участием (Чебоксары, 17–18 декабря 2019 г.). – Чебоксары: ИД «Среда», 2019. – С.164–174.
2. Conder, Claude Reignier (1879). *Tent Work in Palestine*, London: Richard Bentley & Son, Publishers in Ordinary to Her Majesty the Queen, Vol. I, 1879.
  3. Gladstone, William Ewart (1876). *Bulgarian Horrors and the Question of the East*, New York and Montreal: Lovell, Adam, Wesson & Company, 1876.
  4. Stead, William Thomas (1888). *Truth about Russia*, Cassell & Company, Limited, London, Paris, New York & Melbourne, 1888.
  5. Boulding, K. (1956). *The image: knowledge in life and society*. Ann Arbor, MI: The University of Michigan Press.
  6. Boulding, K. (1959). National images and international systems. *The Journal of Conflict Resolution*, 3(2): 120–131.
  7. Bryce, James (1876). Pamphlet “Russia and Turkey.” *Fortnightly Review*, 26 (Dec. 1876), pp. 793–808. Foreign and Commonwealth Office Collection.
  8. Evans, Robert & von Strandmann, Hartmut Pogge (2000). *The Revolutions in Europe, 1848-9: From Reform to Reaction*, OUP Oxford, 264 p.
  9. Laszlo, Péter (1998). The ‘Görgey Question’ Revisited: Reflections on Academician Domokos Kosáry’s Work. *The Slavonic and East European Review*, Vol. 76, No. 1 (Jan., 1998): 85–100.
  10. Posternyak, Ksenia & Boeva-Omelechko, Natalya (2018). The formation of the image of Russia in the British political mass media discourse. *Acta Scientiarum. Language and Culture*, v. 40(2), e41086, 2018.
  11. Tehrani, M. (1999). *Global communications and world politics: domination, development and discourse*. Boulder, CO: Lynne Rinner.
  12. Van Dijk, T. (1985). Introduction: discourse analysis in (mass) communication research. In T. Van Dijk (Ed.), *Discourse and communication*, Berlin, DE: de Gruyter: 1–9.
  13. Van Dijk, T. (1989). Structures of discourse and structures of power. *Annals of the International Communication Association*, 12(1): 18–59.
  14. Van Dijk, T. (1990). Issues in functional discourse analysis. In H. Pinkster (Ed.), *Liber amicorum for Simon Dik*, Dordrecht, NL: Foris: 27–46.

Divergence of the political image of Russia in the British press at the turn of the 20th and 21st centuries

Ol'ga A. Burukina

PhD in Philology, Associate Professor,
Russian State Humanitarian University,
125993, 6 Miusskaya sq., Moscow, Russian Federation;
PhD student,
Oryol State University named after I.S. Turgenev
302026, 95 Komsomolskaya st., Orel, Russian Federation;
e-mail: burukina@mail.ru

Abstract

For 270 years – from 1707 to 1776 – the British political machine, and afterwards British political journalism cultivated the image of an external enemy, alternately trying it on different European and non-European powers, with 170 of which throughout the entire existence of the Kingdom of Great Britain (from 1707 to 2019) this small country with the largest imperial ambitions ever held 120 major armed conflicts and wars.

At different times, France, Spain, the Netherlands (including the Dutch Republic), Germany, Sweden and many other countries became major enemies of Great Britain. But, it is obvious that the image of a sworn enemy best suited Russia (primarily the Russian Empire, and then the Soviet

Union), since this image still continues to be formed and assigned to Russia in British political discourse, making up a significant part of the British collective consciousness.

The article attempts to identify alternative trends in British political discourse from the 2nd half of the 1870s to the end of the 1900s, reflecting a different – positive – perception of the Russian Empire and Russians by British politicians and journalists. The author was able to identify positive trends and typologize texts published in the British press and English-language publishing houses at the turn of the centuries and in one way or another affecting Russia and its foreign and domestic policies.

For citation

Burukina O.A. (2019) Divergentsiya politicheskogo obraza Rossii v britanskoi presse na rubezhe KhKh–XXI vv. [Divergence of the political image of Russia in the British press at the turn of the 20th and 21st centuries]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovanii* [Theories and Problems of Political Studies], 8 (6A), pp. 5-14. DOI: 10.34670/AR.2020.46.6.096

Keywords

Political image of the state, British press, political discourse, divergence of the political image.

References

1. Burukina, O.A. (2019). Pro-Russian evolution of the views of William Thomas Stad: the role of the individual in the history of British-Russian relations. In: “Problems of Higher Education and Current Trends in Socio-Humanitarian Knowledge” (The 8th Arsenyeva Readings): Proceedings of the All-Russian Research Conference with international participation (Cheboksary, 17–18 December 2019). Cheboksary: Publishing House “Sreda”, 2019: 164–174.
2. Conder, Claude Reignier (1879). *Tent Work in Palestine*, London: Richard Bentley & Son, Publishers in Ordinary to Her Majesty the Queen, Vol. I, 1879.
3. Gladstone, William Ewart (1876). *Bulgarian Horrors and the Question of the East*, New York and Montreal: Lovell, Adam, Wesson & Company, 1876.
4. Stead, William Thomas (1888). *Truth about Russia*, Cassell & Company, Limited, London, Paris, New York & Melbourne, 1888.
5. Boulding, K. (1956). *The image: knowledge in life and society*. Ann Arbor, MI: The University of Michigan Press.
6. Boulding, K. (1959). National images and international systems. *The Journal of Conflict Resolution*, 3(2): 120–131.
7. Bryce, James (1876). Pamphlet “Russia and Turkey.” *Fortnightly Review*, 26 (Dec. 1876), pp. 793–808. Foreign and Commonwealth Office Collection.
8. Evans, Robert & von Strandmann, Hartmut Pogge (2000). *The Revolutions in Europe, 1848-9: From Reform to Reaction*, OUP Oxford, 264 p.
9. Laszlo, Péter (1998). The ‘Görgey Question’ Revisited: Reflections on Academician Domokos Kosáry’s Work. *The Slavonic and East European Review*, Vol. 76, No. 1 (Jan., 1998): 85–100.
10. Posternyak, Ksenia & Boeva-Omelechko, Natalya (2018). The formation of the image of Russia in the British political mass media discourse. *Acta Scientiarum. Language and Culture*, v. 40(2), e41086, 2018.
11. Tehranian, M. (1999). *Global communications and world politics: domination, development and discourse*. Boulder, CO: Lynne Rinner.
12. Van Dijk, T. (1985). Introduction: discourse analysis in (mass) communication research. In T. Van Dijk (Ed.), *Discourse and communication*, Berlin, DE: de Gruyter: 1–9.
13. Van Dijk, T. (1989). Structures of discourse and structures of power. *Annals of the International Communication Association*, 12(1): 18–59.
14. Van Dijk, T. (1990). Issues in functional discourse analysis. In H. Pinkster (Ed.), *Liber amicorum for Simon Dik*, Dordrecht, NL: Foris: 27–46.